

мордовской почве дало *-gã*. Ср. эрз. диал. *обезган* < рус. обезьяна.

В конце § 38 (стр. 130) утверждается, что «суффикс *-ц'ă* образует относительные прилагательные от немногих наречий, например: *ингъл'ă* 'вперед' — *ингъл'ц'ă* 'передний'» и т. д. Но, по-видимому, точнее было сказать об образовании этих прилагательных от существительных типа *инголь* 'передняя часть', *фтал* 'тыл, задняя часть' и т. п., из застывших падежных форм, от которых, как известно, произошли и указанные в диссертации наречия.

Повтор одной и той же основы типа *figura etymologica* (*самат' сай* 'прийти-то придет', *мол'эмат' мол'ан* 'пойти-то пойду' и др.) нет никаких оснований рассматривать как «способ выражения настоящего-будущего времени» (стр. 142). В таком случае и образования типа, например, *самат' саб* 'прийти-то пришел', *ту-*

мат' тус' 'уйти-то ушел' и т. п. следовало бы интерпретировать как «способ выражения» прошедшего времени. На самом же деле временные отношения в указанных случаях обоюбого порядка выражены только во втором компоненте этимологических фигур (*сай, мол'ан; сас', тус'*).

Отмеченные недочеты ни в коей мере не снижают значительных достоинств диссертации С. И. Липатова. Автор сумел найти актуальную проблему, собрал огромный материал, который проанализировал на соответствующем научном уровне. Работа С. И. Липатова «Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка» представляет собой ценное исследование по мордовской диалектологии и несомненно вызовет большой интерес среди финно-угроведов.

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.4.09>

В. С. Щемеров а, Отрицание в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1972.

23 ноября 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником сектора языка Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР В. С. Щемеровой на тему «Отрицание в мордовских языках». Официальными оппонентами были доктор филологических наук И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Д. В. Цыганкин (Саранск).

Вряд ли нужно говорить о том значении, какое имеет появление работы, посвященной такой актуальной и вместе с тем совсем еще не исследованной проблеме — грамматическому отрицанию в мордовских языках.

Рецензируемая диссертация представляет собой в этой связи первый опыт монографического исследования данной темы. Основной задачей, поставленной в ней и в известной мере предопределяющей характер, структуру всей работы, является всесторонний анализ тех грамматических средств, с помощью которых выра-

жается отрицание, раскрывается генезис отрицательных форм. С поставленной задачей В. С. Щемеров а вполне справилась.

Диссертация выполнена в сравнительно-историческом плане. Достоинство ее, несомненно, и в том, что для сравнения широко приводятся данные других финно-угорских языков, особенно если речь идет об истории отрицательных глаголов и их форм.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во введении дан общий обзор истории разработки вопроса о грамматическом отрицании как в русском, так и в финно-угорских, в частности мордовских, языках, определены основные методологические и методические принципы исследования, рассмотрена литература по данной теме. В целом вводная часть выполнена в высшей степени корректно. Однако не все в ней одинаково убедительно — сомнения и вопросы вызывают отдельные суждения автора о характере и сущности отрицательных слов и модальных частиц, о сходстве и различии между этими категориями слов.

Первая глава (стр. 38—148) — Выражение общего отрицания в мордовских языках — содержит тщательный и всесторонний анализ отрицательных глаголов с основами на *e*-, *i*- (*эз'*-, *из'*-, *ил'*-) и на *a*- (*a*, *аф*, *ай*-, *аш*-, *арас'*). обстоятельно характеризуется каждый служебный глагол, его формы и изменения, происшедшие в отрицательных глаголах в безобъектном и объектном спряжениях, при этом автор умело пользуется сравнительно-историческим методом. Особенно удачно В. С. Шемерова применяет так наз. внутреннюю реконструкцию, когда древнейший вариант той или иной формы отрицательного глагола восстанавливается с учетом отражения его в современных литературных языках и диалектах. В этой связи диссертантка правильно, на наш взгляд, пришла к выводу, несколько отличающемуся от мнений ряда финно-угроведов (стр. 51), о том, что в формах типа эрз. *эзин'*, мокш. *изен'* элемент *и*, следующий за признаком прошедшего времени *з'*, не является префиксом признака прошедшего времени (*и*), а выступает лишь как соединительный (буферный) гласный. Об этом свидетельствуют многочисленные диалектные формы (они приводятся в диссертации), в которых *и* за *з'* отсутствует, ср. эрз. *эсси*, *эссе*, *эзек*, *эзде*, мокш. *изсе*, *исце* и др. Как утверждает В. С. Шемерова (мы склонны поддержать это утверждение), в формах эрз. *эзин'*, мокш. *изен'* произошло не взаимодействие двух типов прошедшего времени (такое мнение имеется), а появился так наз. интерфиксный гласный, качество которого в зависимости от языка и диалекта не однородно. Отрицание же прошедшего действия выражается с помощью суффикса *-з'*: эрз. *эзин'*, *эзит'*, *эз'*, мокш. *изен'*, *изет'*, *из'*.

Серьезное внимание в этой же главе уделено характеристике вариантов смыслового глагола в отрицательных конструкциях типа *эзин'* *мора* и *эзин'* *морак* 'я не пел'.

С точки зрения истории языка весьма ценны наблюдения, касающиеся судьбы отрицательных глаголов в формах повелительного и побудительного наклонений, а также истории отрицательных слов с основой *аш*-, *арас'*, *аволь*-. Следует отметить, что в данной главе В. С. Шемерова

проявляет прекрасное знание дела и широкую осведомленность, что придает этой части диссертации большую ценность.

Отдавая должное высокому научному уровню рецензируемой главы, надо отметить, что некоторые частные утверждения автора вызывают сомнения.

В. С. Шемерова пишет (стр. 58), что в образовании формы 1-го лица мн. числа отрицательного глагола принимает участие основа служебного отрицательного глагола *э*-, показатель прошедшего времени (*-н'*-) и личное окончание *-нек* (эрз.), *-те* (мокш.). Здесь допущена неточность: суффикс *-нек* является сложным, в нем необходимо выделить суффикс лица *-н*- (*-м*-) и суффикс множественного лица *-к*. Кроме того, здесь неточно употреблено выражение «личное окончание». Следовало бы, на наш взгляд, заменить его «суффиксом (аффиксом) лица», что более верно отражает специфику морфемного состава мордовского языка. Кстати, мы не можем согласиться с некоторыми выражениями, употребляемыми в работе, когда одна и та же грамматическая категория называется по-разному, например, окончание множественного числа, показатель множественного числа, признак множественного числа, суффикс множественного числа. Кроме того, у диссертантки наблюдается терминологическая непоследовательность: в одном месте она средство выражения отрицания называет отрицательным глаголом (стр. 38—39), в другом — отрицательным словом (стр. 132), в третьем — служебным отрицательным глаголом (стр. 118) и, наконец, частицей (стр. 114—115), см. также стр. 5 (*аволь* глагол), стр. 194 (*аволь* — частица).

На стр. 59 читаем: «личное окончание 1 лица множественного числа отрицательных форм полностью уподобилось личным окончаниям утвердительных форм». Говорить о процессе уподобления излишне, так как суффикс указанного лица в отрицательных формах и суффикс лица в утвердительных формах один и тот же.

В. С. Шемерова права (стр. 73), что восполнительная форма при отрицательных глаголах встречается в двух вариантах — с показателем *к* (*эзинь кундак*) и без него (*эзинь кунда*). Выясняя при-

чины исчезновения суффикса -к при восполнительной форме (*эзнь яка*), автор связывает это явление с особенностями основы мордовского глагола — если в основе глагола сохраняется конечный гласный, то в отрицательных конструкциях, как правило, -к отпадает. Однако примеры, подтверждающие это, малоупотребительны. И далее автор пишет: «если же основа оканчивается на согласный, то суффикс -к переходит в -т». Досадно, что для иллюстрации первого и второго положений в перечне отрицательных конструкций приводится одна и та же отрицательная форма. Ср. 1) *Вейкесь эзь кенере прамо, солась* 'один не успел упасть, растаял', восполнительная форма *эзь кенере* употребляется без суффикса -к. 2) *Кенерсь — эзь кенерть кудовшиа само. Кенерсь — эзь кенерть кудов совамо* 'успела — не успела она домой прийти, успела — не успела она домой зайти'; восполнительная форма *эзь кенерть* употребляется с суффиксом -т.

Нам думается, что суждения автора о причинах исчезновения суффикса -к при восполнительной форме и преобразовании его в некоторых отрицательных конструкциях в -т были бы убедительнее, если бы ею были глубже раскрыты особенности основы мордовского глагола.

Отрицания эрз. *аволь*, мокш. *афоль* 'не бы' автор диссертации считает сложившимися из трех элементов: *a* — отрицательное слово + *v~ф* — причастный суффикс + личные формы глагола бытия *улемс* (стр. 132—133). В принципе здесь все верно, лишь одно у рецензента вызывает некоторые сомнения — это источник суффикса *v~ф*. Точка зрения Сетяля, Серебренникова и диссертантки весьма заманчива, если учесть наличие отрицательного слова *erā* в прибалтийско-финских языках. Однако, несмотря на такую заманчивую гипотезу, рецензент позволит себе усомниться в окончательной правоте ее. Нельзя ли все же возвести современный мордовский суффикс *v~ф* в отрицаниях *аволь~афоль* к финно-угорскому *k*-овому суффиксу, подобному марийскому и пермскому -к в глагольном отрицании *ок* и *уг*? Ведь переход финно-угорского **k* > *v~f* мордовским языкам не чужд, ср. морд. *кеверемс* 'покатиться', *кеверевтемс* 'заставить пока-

тить', мар. *лудаш* 'читать', *лудыкташ* 'заставить читать'.

Наверно, все же есть основания для подобного предположения, если сравнить морд. *аволь* < *a + v + улемс* 'быть', мар. *огыл* < *o + г + улаш* 'быть', удм. *ōvōl* < *ō + г + vōl* из *вул* 'быть'. Для окончательного решения необходим более детальный анализ.

Вторая глава (стр. 148—176) посвящена способам выражения частного отрицания в мордовских языках. Здесь исследуются обобщенные частицы, служащие для выражения частного отрицания, такие как эрз. *a*, *эзь*, *аволь*, мокш. *афоль*, *аф*, *аш* 'не'. Все эти частицы, по утверждению автора, образовались в результате обобщения формы 3-го лица отрицательного глагола. Диссертантка отмечает ряд особенностей, характерных для этих частиц, в частности их дифференцированное употребление с определенными разрядами знаменательных слов. Здесь, как и в первой главе, автор, как правило, не ограничивается выявлением, систематизацией и описанием языковых фактов (хотя и это само по себе важно и нужно, так как вводятся в научный оборот ценные данные), но подходит к ним диахронически и обнаруживает при этом научную зрелость. Наши замечания по этой части работы касаются лишь некоторых частных деталей. На наш взгляд, не было необходимости так подробно останавливаться на употреблении частей речи с отрицательными частицами в роли различных членов предложения, поскольку использование отрицательных частиц при существительном, прилагательном, местоимении не изменяет синтаксических функций последних. Думается, что здесь можно было ограничиться анализом общих закономерностей употребления отрицательных частиц.

Большой интерес представляет собой третья глава диссертации. В ней рассматриваются особые способы выражения отрицания в мордовских языках. Успешно, на наш взгляд, сделана характеристика отрицательных слов эрз. *арась*, мокш. *аш*. В этой главе немало новых фактов, важных для мордовского языкознания. Детально рассмотрены случаи употребления слова *арась* в разных синтаксических функциях.

В целом диссертация В. С. Щемеровой имеет глубокое содержание, большую научную актуальность. Отмеченные недостатки не умаляют научности проделан-

ной работы, ее важности и весомости для мордовского языкознания.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

Дж. Г. Киекбаев, Введение в урало-алтайское языкознание, Уфа, Башкирское книжное издательство, 1972, 151 стр.

Профессор Башкирского государственного университета Джалиль Гиниятович Киекбаев был сторонником родства уральских и алтайских языков. В своих исследованиях, опубликованных на русском и башкирском языках, он старался показать, что общего имеется в грамматической структуре этих языков. Скоропостижная смерть не позволила Киекбаеву издать свои исследования отдельной книгой. По опубликованным статьям и черновым записям его ученики и товарищи по работе издали «Введение в урало-алтайское языкознание». Как видно из вступительной заметки редколлегин, труд Дж. Г. Киекбаева рассчитан на широкий круг лингвистов, занимающихся изучением происхождения, развития и формирования уральских и алтайских языков.

Вопрос о родстве уральских и алтайских языков имеет свою историю. Со времени появления в 1838 году известной работы эстонского финно-угроведа Видемана многие серьезные ученые поддерживали теорию урало-алтайского родства, среди них — Фокош-Фукс, Мункачи, Рамстедт, Коллиндер, Рясанен, Менгес. Другие видные исследователи активно выступали против этой теории и старались доказать, что то общее, что имеется в обеих семьях языков, несколько не говорит о их родстве, а является случайным или же заимствованным из третьих языков. Поэтому вопрос об уральско-алтайской древней общности до сих пор остается дискуссионным, хотя многие факты так или иначе подтверждают ее существование в далеком прошлом.

Автор рецензируемой книги старался решить проблему родства урало-алтайских языков путем сравнительно-исторического анализа их фонетико-морфологической структуры. Киекбаев был хорошим тюркологом и большим энтузиастом в своей области, но он не был в достаточной степени знаком с историей финно-угорских языков. Поэтому и ему не уда-

лось решить этот сложный вопрос, серьезно интересовавший его.

Книга Киекбаева содержит 21 раздел. В первых четырех разделах приведены общие данные об уральских и алтайских языках, попытках их классификации, образовании урало-алтайского праязыка и языков-основ отдельных групп, а также о времени их территориального разобщения. Автор в общем знаком с той литературой, которая была издана до его исследований по вопросам урало-алтайского родства, но он не всегда правильно излагает данные использованных источников. Кроме того, его критический обзор написан *cum ira et studio*, а не *sine ira et studio*. Пристрастная трактовка использованной литературы характерна для всех разделов книги.

Рецензент, как финно-угровед, может подвергнуть критическому анализу только уральскую часть книги Киекбаева, которая действительно написана на недостаточно высоком научном уровне. В первых четырех разделах имеются, например, следующие ошибки или упущения.

Автор книги говорит то о финно-угорских языках, то об угро-финских языках и констатирует, что имеются советская и зарубежная классификации этих языков. На самом деле нет двух идеологически обусловленных классификаций. Правда, как некоторые советские, так и зарубежные финно-угроведы высказывали отдельные критические замечания о существующей классификации, но это несколько не свидетельствует о наличии двух различных позиций относительно взаимного родства финно-угорских языков.

Автор книги допускает элементарные ошибки по отдельным вопросам истории финно-угорских языков. Например, он относит к арханческим урало-алтайским чертам такие явления, как наличие *т*-ового инфинитива в мордовских и прибалтийско-финских языках, а также прошедшее неопределенное (неочевидное)